

А.Е.Иванов

**СТУДЕНЧЕСКИЕ ЗЕМЛЯЧЕСТВА В РОССИИ
(КОНЕЦ XIX - НАЧАЛО XX в.)**

Иванов Анатолий Евгеньевич – доктор
исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН

В конце XIX – начале XX в. в Российской империи не было ни одного высшего учебного заведения, за исключением привилегированных, “закрытых”, где бы не действовали землячества. Каждое из их великого множества объединяло группу учащихся-земляков и именовывалось либо по губернии (Петербургское, Новгородское, Псковское и пр.), либо по обширному региону (Сибирское, Закавказское, Прибалтийское и пр.), либо по уездному городу (Ржевское, Боровичское, Кронштадское, Нарвское, Ливенское и пр.), либо по национальному признаку (Украинское, Грузинское и пр.).

По наименованиям землячеств, а в них отразились фактически все российские губернии, губернские и многие уездные города, можно судить о степени интегрированности отдельных территорий в имперскую систему высшего образования. По ним же можно определить основные миграционные потоки выпускников средней школы. Наименования одних встречались фактически во всех высших учебных заведениях, сеть других была более редкой, третьи встречались лишь в единственном числе. Типологически в круг земляческих входили организации выпускников средних учебных заведений университетских городов.

Прототипы студенческих объединений по земляческому признаку появлялись в университетах на протяжении первой половины XIX в. Под названием “землячество” они стали возникать в 60-х годах; их расцвет пришелся на 70-е-80-е годы прошлого столетия. На рубеже веков наблюдалось повсеместное увядание землячеств, сменившееся с осени 1905 г. их бурным возрождением. Они просуществовали до 1917 г., с переменным успехом исполняя свою первородную функцию органов материальной и моральной поддержки студентов-земляков, оказавшихся в чужих краях. Но не только.

На протяжении второй половины прошлого столетия, и особенно на его излете, эта функция совмещалась с другой – общественно-просветительской. Землячества превратились в своеобразные товарищеские клубы земляков. В дружеских застольях за самоваром, а нередко и за бутылкой “зелена вина”, в бесконечных



спорах о судьбах России, таких типичных для демократической интеллигенции, вызревала антисамодержавная идеология российского студенчества. Землячества оказывали "некоторое содействие", преимущественно кадрами пропагандистов, революционному народническому движению, марксистским рабочим кружкам, создавали кассы Красного креста для сбора средств помощи политическим ссыльным и заключенным¹.

Это соприкосновение с антисамодержавными общественными силами привело к запрещению землячеств в 1871 г. как организаций "неблагонадежных"². Однако они продолжали действовать неофициально, полуконспиративно и вовсе нелегально, объединяясь на межфакультетском и общегородском уровнях, координируясь в своих действиях центральными представительными органами в лице Союзных советов объединенных землячеств в Московском (1884 г.), Петербургском (1886 г.), Киевском и Харьковском (1895) университетах³.

Документы органов государственной охраны свидетельствуют, что землячества имели "яркую политическую окраску"⁴. Их цель заключалась в том, чтобы ориентировать студентов в хитросплетениях политической жизни, посредничать между учащейся молодежью и революционным подпольем, быть "верховным судилищем" для студентов и "законодателем" их корпоративной жизни, представлять интересы студентов перед администрацией и профессорским корпусом⁵.

На протяжении второй половины XIX в. землячества были опорными пунктами массовых выступлений студентов за свои академические права, в феврале 1899 г. переросших в первую всероссийскую студенческую забастовку. Она окончательно вывела студенчество за пределы узкокорпоративных требований, выдвинутых от его имени землячествами, на просторы общеполитической борьбы. Учащаяся молодежь, идейно дифференцируясь, становится резервом нарождавшихся политических общественных движений и партий.

Объединяя своих членов по признаку географическому, а не идеологическому, землячества не вписались в политическую ситуацию и к началу первой русской революции оказались на задворках политической жизни студенчества. Легализованные решениями советов профессоров на основании "временных правил" об автономии 27 августа 1905 г., официально институционализированные общероссийским законом об общественных организациях 4 марта 1906 г. и академическим – в виде "временных правил" в студенческих организациях 11 июня 1907 г., землячества, "сбросив с себя политический покров"⁶, вернулись "на круги своя". Они приступили к исполнению изначальных функций материальной и нравственной поддержки тех из студентов-земляков (независимо от их политических пристрастий), кто исправно уплачивал членские взносы. Такую эволюцию претерпело, например, Ливенское землячество Петербургского политехникума. В 1903 г. оно в составе 25 человек выделилось из Орловского, являясь фактически политическим кружком. На политические цели уходили и все его средства. С возрас-



танием состава землячества до 40 человек оно задалось целью совмещать “сближение на политической почве” с экономической помощью своим членам, поровну деля средства на каждую из этих функций. К 1907 г. в жизнедеятельности Ливенского землячества Петербургского политехнического института безраздельно возобладали тривиальные задачи материально-бытового свойства⁷. Всепоглощающий характер подобного рода деятельность землячества приобрела в послереволюционный период.

В начале XX в. типичные землячества представляли собой небольшие общественные организации, разнокалиберные по числу членов: некоторые не превышали и 10 человек, численность иных достигала 200 и более земляков. Из них сплеталась земляческая сеть, окутывавшая российскую высшую школу. В некоторых высших учебных заведениях число землячеств доходило до нескольких десятков. Например, в 1907 г. в Казанском университете, по официальным данным, было зарегистрировано 28 землячеств⁸, в Петербургском в 1908 г. – 134⁹, в Московском в 1912 г. – 150¹⁰. Далеко не все из них действовали реально. Например, по свидетельству современников, в Петербургском университете к таковым относились 62 землячества, объединявших 1581 человек, или более 16% его студентов. прочие, числясь в регистрационных документах, существовали номинально¹¹. Не исключено, что они относились к тем, что создавались под давлением касс взаимопомощи как организации только экспертные, выявлявшие сведения о “нуждаемости” студентов, претендовавших на получение денежных ссуд¹².

По организационному устройству студенческие землячества были подобны друг другу. Центральным органом каждого из них было общее собрание земляков, которое избирало правление, делегируя последнему повседневные функции руководства кассой взаимопомощи, бюро труда для приискания землякам дополнительных заработков, библиотекой учебных пособий, научной и художественной литературы, периодических изданий. Изредка при землячествах действовали кружки по изучению родного края, как, например, при Смоленском на Петербургских сельскохозяйственных курсах¹³.

В одних высших учебных заведениях землячества действовали разрозненно, как независимые организации, в других, вопреки категорическому административному запрету, еще с 80-90-х годов XIX в. сохраняли свои “центральные органы”, являвшиеся “федеративными” межземляческими коллегиями, например. Организация представителей землячества в Казанском университете (по данным на конец 1901)¹⁴.

Нарушали землячества и такое охранительное табу, как категорический запрет объединяться в одну организацию землякам, учившимся в разных учебных заведениях. Общегородские землячества были более крупными по числу членов и соответственно более дееспособными в материальном отношении, нежели многие организации масштаба одного высшего учебного заведения. Возьмем, к при-



меру, три общегородские землячества Петербурга – Бессарабское, Вятское и Новгородское. В первых двух в 1909 г. соответственно состояло 150 и 300 человек, в третьем в 1911 г. – около 200 человек. Они создавались под “крышей” отдельных высших учебных заведений, как, например, Новгородское, обосновавшееся в Петербургском университете. Временные правила о студенческих организациях от 11 июня 1907 г., строго-настрого запретившие вход на территорию университетов и институтов “посторонним лицам”, включая “не своих” студентов, оборвали его живые связи с земляками, не учившимися в университете. Землячеству пришлось распротиться со своей монолитной организационной структурой и расцепить ее на “секции” в качестве низовых организаций, а фактически и землячества новгородцев-студентов различных высших учебных заведений Петербурга¹⁵. По прошествии некоторого времени секции были укрупнены по типу получаемого их членами образования. В 1911 г. организационная структура Новгородского землячества выглядела следующим образом: I секция – новгородцы, учившиеся в университете и Психоневрологическом институте (51%); II секция – “курсистки”, т.е. слушательницы высших женских курсов – Бестужевских, П.П.Раева, при биологической лаборатории П.Ф.Лесгафта, М.А.Лохвицкой=Скалон и, видимо, Женского медицинского института (42%); секция III – студенты специальных народнохозяйственных институтов (7%)¹⁶. Новгородцы, учившиеся в прочих высших учебных заведениях Петербурга, выбирали секции по своему усмотрению¹⁷. Членство в Новгородском землячестве не было заказано и уже окончившим учебу. Одно время в его составе была секция “специалистов”, отпочковавшаяся в 1910 г.¹⁸. В члены землячества допускались также питомцы средних учебных заведений из Новгородской губернии и даже просто ее уроженцы и проживавшие в ней¹⁹.

Высшим “законодательным” органом Новгородского землячества было общее собрание земляков, проходившее не в одном помещении, что считалось бы “недозволенным сборищем”, а отдельно – по секциям. Исполнительным органом землячества был Комитет (до 1911 г. – Бюро), состоявший из председателя, секретаря и представителей секций (пропорционально численности членов каждой), делегированных секционными собраниями. В структуру Новгородского землячества входили также: ревизионная комиссия, касса мелкого кредита (в других землячествах именовалась кассой взаимопомощи), выдававшая оперативные ссуды в 5 руб. (каждая сроком на две недели) и Бюро труда для приискания заработков землякам. Его комитеты платили в земляческую кассу 10% от месячной зарплаты и 5% от суммы, полученной на единовременно сдельной работе. И, наконец, Библиотека учебных пособий, почему-то не указанная в уставе землячества. Она приобретала новые и “держанные” книги, а также брала их во временное пользование под гарантию сохранности. Средства библиотеки складывались из 10% от поступлений в кассу землячества, 5% с каждой выдачи “мелкого кредита”, выручки от продажи вышедших из употребления книг, 10% от комиссионной книжной торговли, пожертвований.



Библиотечные книги выдавались не более, чем на месяц (продление – при отсутствии очередника). За каждый просроченный день с читателя взимались по 3 коп. На летние вакации книги выдавались под залог²⁰.

По принципу Новгородского были устроены и другие петербургские землячества общегородского типа, конечно, с известными модификациями. Ведь они действовали в едином правовом пространстве. Есть основания предполагать, что крупные земляческие образования (как Новгородское), были менее прочны, нежели мелкие (по 10-50 человек) земляческие ячейки, укоренившиеся в высших учебных заведениях во второй половине XIX столетия. Крупные землячества, например Бессарабское, чаще раздирали конфликты, замешанные на социальной несовместимости интересов внутренних групп земляков. Постоянно существовала опасность развала на отдельные самостоятельные землячества, в лучшем случае номинально объединенные общим центральным органом. Так, например, произошло с Псковским землячеством (Петербург) в 1908 г.²¹. Им не всегда удавалось организовать свою экономическую деятельность так, чтобы удовлетворить всех земляков. Об этом свидетельствует выход из Тамбовского землячества (Петербург) группы политехников (40 человек), которые сочли ущемленными свои материальные интересы²². Крупные землячества неизбежно приковывали к себе внимание властей и учебной администрации, как, например, Сибирское землячество в Москве. Тот факт, что среди исключаемых из московских высших учебных заведений за участие в студенческом движении было много сибиряков, поставило его в положение “неблагонадежного”. В 1911 г. под ударами репрессий против студенческих организаций Сибирское землячество распалось. На его развалинах образовалось около десятка общегородских землячеств, включая Забайкальское, Омское, Иркутское, Красноярское, Амурское, Семиреченское и др.²³.

И все же, несмотря на свою уязвимость, общегородские землячества не исчезали из корпоративного быта российского студенчества. Существовала постоянная потребность в них. Самим фактом возникновения они отражали стремление студенчества к соединению сил ради товарищеской взаимопомощи.

Эта проблема живо обсуждалась на страницах студенческой прессы. В посвящаемых ей статьях выдвигались идеи: созыва всероссийского съезда представителей землячеств, который бы консолидировал последние в борьбе за свои права²⁴; создания представительного органа землячеств как оплота их солидарных действий²⁵; выработки общего для всех землячеств плана “экономического строительства” в сфере студенческого быта (всеземляческая касса взаимопомощи типа студенческого банка, всестуденческий кооператив и пр.); организации информационного бюро с представительством от всех землячеств для пропаганды принципов материальной помощи бедствующим и координации ее распределения²⁶.



Наипервейшей обязанностью землячеств было выяснение степени “нуждаемости” земляков (экспертная функция) и накопление средств для подпитки их материальных ресурсов.

Из каких статей дохода складывались суммы, которыми оперировали землячества? Первой, хотя и не главной, являлись членские взносы земляков. Их размер был невелик – 20-50 коп. в семестр. Но и они вносились, как правило, нерегулярно, а то и вовсе не вносились. Это был “больной” вопрос всех без исключения землячеств, приобретший для них скорее морально-этическую, нежели финансово-хозяйственную значимость.

Главной статьей дохода землячеств были организуемые ими всевозможные благотворительные мероприятия развлекательного характера – любительские спектакли, концерты (профессиональных артистов, любительские, смешанные), концерты-балы, танцевальные вечера, вечерники, лекции, что в совокупности именовалось термином “вечера”, так как все названные развлечения осуществлялись в вечернее время.

Основные доходы от благотворительных мероприятий черпали землячества на родине, тем самым “концентрируя плоды благотворительности отдельных уголков России в больших академических центрах”²⁷.

Денежные сборы от культурно-благотворительных акций и составляли в основном сумму ссужаемого землячествами капитала. В 1914/1915 учебном году так называемые благотворительные “предприятия” принесли, например, Гомельскому землячеству Московского университета 322 руб. или 55,4% его годовой прибыли. Эта сумма составила 83% средств (388 руб.), потребовавшихся на предоставление землякам 30 ссуд²⁸. Более внушительным был валовой доход от благотворительных вечеров у Новгородского землячества Петербурга: 1907 г. – 534,4 руб.; 1908 г. – 1489 руб.; 1909 г. – 1797 руб.; 1910 – 2020 руб.²⁹; в 1911 г. – 5230 руб.³⁰.

О “технологии” образования благотворительных сумм можно судить по приходно-расходным статьям новогоднего концерта-бала в Новгороде, проведенного 2 января 1912 г. Новгородским землячеством при Петербургском политехническом институте.

ПРИХОД

1. От продажи билетов	– 608 руб. 30 коп.
2. –“– программ	– 42 руб. 35 коп.
3. –“– шампанского	– 38 руб. 20 коп.
4. –“– цветов	– 29 руб. 50 коп.
5. –“– чая и прохлад. напитков	– 50 руб. 64 коп.
6. –“– конфетти	– 24 руб. 50 коп.
7. От пожертвований деньгами и вещами	– 99 руб. 60 коп.

Всего:

– 893 руб. 04 коп.



РАСХОД

1. Плата артистам, расходы по их приглашению, настройка рояля	– 307 руб. 60 коп.
2. Благотворительный сбор	– 28 руб. 63 коп.
3. Освещение, уборка зала	– 22 руб. 32 коп.
4. Музыка, приглашение, доставка, пребывание, угощение музыкантов	– 29 руб. 50 коп. – 16 руб. 18 коп.
5. Типографские расходы, плата офицеру	– 16 руб. 75 коп.
6. Котильен, цветы, конфеты	– 22 руб. 7 коп.
7. Декоративная часть: елки, мебель, доставка	– 9 руб. 40 коп.
8. Хозяйственная часть: съестные припасы, напитки, прислуга и пр.	– 23 руб. 21 коп.
9. Почтовые, телеграфные, мелочные расходы	– 5 руб. 61 коп.

Всего: – 451 руб. 77 коп.

Баланс – 893 руб. 89 коп.

Чистый сбор – 441 руб. 32 коп.³¹

С меньшим размахом, а соответственно и с меньшей прибылью, но по такому же сценарию, устраивались земляческие “вечеринки” в пользу нуждающихся студентов-новгородцев.

Не все землячества полагались только на благотворительность, которая сводилась к подааниям интеллигентной общественности на бедность студентам под благовидным предлогом поощрения их культурно-просветительской деятельности. Некоторые пытались, и безуспешно, зарабатывать деньги на поприще досугового и культурно-просветительского предпринимательства. К классу предпринимательских источников денежных средств землячеств можно отнести и платные публичные лекции студентов научно-популярного характера.

Получение разрешения на благотворительные мероприятия было делом не скорым, а нередко и очень долгим. Притом настолько, что устроители иной раз отказывались на их проведение еще до получения ответа от ректора (директора).

Выручка от благотворительных акций к землячествам поступала не сразу, а через посредующие инстанции. Устроители мероприятия полученный от него доход передавали в канцелярию местного губернатора или градоначальника. Оттуда деньги следовали к ректору (директору), который распоряжался о выдаче их на строго определенные нужды землячества через кассу высшего учебного заведения. Таким образом была устроена система многоступенчатого контроля за тратами землячеств. Они должны были идти только на цели товарищеской взаимопомощи и не на какие иные, как это было до 1905 г., когда землячества находи-



лись вне закона и не согласовывали с администрацией свои действия, направленные на материальную помощь землякам.

По времени путь денег к землячествам был столь долог, что благотворительность утрачивала свое главное качество – оперативность помощи нуждающимся.

О «финансах» землячеств в известной мере можно судить по данным 45 (из 134) земляческих касс Петербургского университета за 1906/1907 учебный год. Их совокупный доход составил 20 517 руб. При этом у 31 землячества он колебался между 100 и 500 руб. Были и более преуспевавшие землячества, например: Пермское за год получило 1784 руб. чистой прибыли; Нарвское – 1020 руб.; Новгородское – 1047 руб.; Великолукское – 638 руб.³². Из этих сумм и выделялись ссуды землякам.

Как же распоряжались землячества накопленными суммами? Будучи до своей легализации осенью 1905 г. фактически подпольными организациями, постоянно разрушаемыми администрацией и вновь возникавшими, землячества оперировали своими средствами на исключительно благотворительных началах. Надеясь нуждающихся земляков мелкими суммами в виде «безвозмездных пособий», они как бы компенсировали им риск репрессий, которым те могли в любой момент подвергнуться, состоя в запрещенных сообществах³³.

После Первой русской революции безвозмездные земляческие пособия достаточно скоро сошли на нет, поскольку они стремительно иссушали озерца благотворительных и «предпринимательских» капиталов землячеств. В жизнедеятельность последних внедряются принципы «возвратного» кредитования. Его идея была сформулирована в 1872 г. профессором Киевского университета Н.Х. Бунге, будущего министра финансов. Спасительное средство от студенческой бедности выдающийся политэконом видел в «возвратных», т.е. возмещаемых после окончания курса обучения стипендиях и пособиях. Для этого он предлагал создать в каждом высшем учебном заведении стипендиальный фонд, жестко контролируемый администрацией и независимый от студенческих организаций. «Учреждение подобного фонда, – полагал ученый, – позволило бы непрерывно увеличивать число раздаваемых стипендий и пособий и даже при предположении, что только половина взаимобразно выделенных сумм будет возвращена лет через десять, число стипендий и пособий может удвоиться»³⁴.

Стипендиальные фонды не были созданы даже в подконтрольных Министерству финансов институтах в то время, когда им управлял сам Н.Х. Бунге. Но его идея о возвратности сумм вспомоществования не осталась втуне.

В 1908 г. Первое совещание об экономических нуждах петербургского студенчества постановило: «Студенчество ничего не должно получать в виде пособий, а все – в виде возвращаемых ссуд»³⁵. В этом вердикте отразилось утвердившееся в обществе мнение, что при всех своих несомненных гуманитарных достоинствах филантропическая благотворительность развращающе действует на студенческую



молодежь, приучая ее к социальному иждивенчеству, лишая воли к практической инициативе. В 1909 г. профессор-экономист И.Х.Озеров писал: “Благотворительность имеет и отрицательное влияние на всю нашу жизнь: мы приучаемся иногда легко протягивать руки, раз дают деньги, и забываем потом, что и от кого получили”³⁶.

Благотворительные безвозвратные ссуды – “подачки”, как они пренебрежительно именовались в студенческой среде, постепенно были замещены не столь истощающими земляческие кассы возвратными беспроцентными ссудами. Это новое для студенческого сообщества явление профессор И.Х.Озеров отнес к категории тех, что должны были “оказывать сильнейшее влияние на подъем производительных сил страны”³⁷.

Решения о выдаче ссуд основывались на более строгой, чем прежде, экспертизе материального положения претендентов на кредитование.

О масштабах охвата кредитованием земляков можно получить представление по данным о выдаче ссуд в некоторых землячествах Петербургского университета: в 1906-1907 гг. Кронштадское землячество удовлетворило просьбы 50-70% земляков; Пермское в 1906-1908 гг. – 51; Мариупольское в 1907/1908 учебном году – 53, Новгородское в 1908 г. – 60%³⁸.

Ссуды были двух типов – ограниченные по времени и долгосрочные, погашаемые после окончания заемщиком высшего учебного заведения отчислениями из его жалования. Срок погашения каждого вида ссуды землячествам устанавливался индивидуально.

Выдача ссуд осуществлялась под векселя и долговые расписки, дабы не вводить кредитруемых в соблазн “моральной преступности” невозвращения займа³⁹. Это, однако, не всегда оберегало землячества от невыполненных долговых обязательств, ввергая их в хлопотную переписку с должниками, а нередко и в затяжные судебные тяжбы с ними. В 1915 г. Енисейское и Забайкальское землячества в Томске обратились к должникам с напоминанием о необходимости вернуть некогда полученные ссуды. Многие из должников промолчали, некоторые ограничились присылкой 10 руб., хотя их задолженности доходили до 300 руб. Только предупреждение о намерении опубликовать список неплательщиков в газетах изменило ситуацию. Лишь единицы без напоминания возмещали долговые суммы.

Нескончаемая борьба землячеств с должниками показала всю иллюзорность некогда бытовавших среди студенчества упований на то, что среди более или менее обеспеченных интеллигентов найдется мало тех, “кто откажется уплатить несколько десятков рублей в организацию..., оказавшую ему когда-то незаменимую услугу”.

По своему изначальному назначению землячества были не только организациями материальной взаимопомощи, но и товарищескими регионально-культурными сообществами, главной миссией которых было “воссоздание мира своей ро-



дины”⁴⁰. В земляческих уставах непременно присутствовала идея, что цель землячеств не только в облегчении материальных тягот студентов, но и в их морально-психологической поддержке, в создании межличностного духовного взаимодействия земляков на основе совместных дел – благотворительных, культурно-просветительских, научно-кружковых.

Землячества, в которых живы были традиции товарищества “семейного характера”⁴¹ (в 1908-1914 гг. таких было немало) с вечеринками, с долгими спорами на животрепещущие темы общественной жизни, хорovým пением излюбленного студентами песенного репертуара, танцами, чаепитиями (все это называлось собраниями) буквально спасали земляков от характерной для студенчества послереволюционной поры склонности ко вселенскому пессимизму. Они побуждали живущую на чужбине молодежь, помимо забот о своем материальном благополучии, к деятельному культуртрегерству.

Особый этнокультурный колорит отмечал духовную жизнедеятельность национальных землячеств – украинских, белорусских, армянских, грузинских, латышских, эстонских и др.

Будучи самой почтенной по возрасту формой студенческой организации, землячества, испытывая давление постоянно меняющихся условий общественно-экономической, культурной и политической жизни России, часто не проявляли должной приспособительной гибкости. Многие из них едва ли способны были к этому в силу крепкой укорененности своих традиций в академическом быту. Данное обстоятельство раскололо студенчество на тех, кто смотрел на землячества как на бесперспективную архаику, и тех, для кого землячества оставались неперменным элементом корпоративного уклада учащихся высшей школы.

По разным причинам многие покидали землячества. Одних не устраивала обстановка малой результативности, возобладавшая в их организациях⁴². Другие уходили, “презирая филантропию”⁴³. Третьи отвернулись от землячеств, не нуждаясь в материальной помощи, приведя тем самым некоторые из них к развалу⁴⁴.

И все же большинство землячеств продолжали действовать, так как нужны были значительной части студенчества, нередко являясь для нее едва ли не главной опорой в борьбе за возможность продолжать учебу. Не случайно в деятельности многих землячеств кредитные функции со временем возобладали над культурническими, особенно в годы мировой войны.

Примечания

1. Записка члена Совета министра народного просвещения С.Ф. Спешкова о противоправительственных организациях среди учащихся и учащихся различных заведений: Министерства народного просвещения, 1908 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 138. Л. 3-4 об.).



2. Георгиевский А.И. Краткий очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. — С. 179.

3. См.: Ткаченко П.С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. — М., 1958. — С. 177-258; Щетинина Г.И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. — М., 1987. — С. 55.

4. РГМА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 138. Л.4 об.

5. Вестник студенчества. — М., 1907. — 17 марта. — С. 3.

6. Голос политехника. — СПб. 1909. — № 5. — С. 19.

7. Там же. — 1909. № 1. — С. 25.

8. Самарское, Вологодское, Казанское, Астраханское, Троицкое, Владимирское, Орловское, Прибалтийское, Тверское, Псковское, Ярославское, Симбирское, Кавказское, Тамбовское, Подольское, Астраханское, Украинское, Сибирское, Оренбургское, Воронежское, Новгородское, Вятское, Саратовское, Костромское, Пензенское, Тульское, Донское, Рязанское (Национальный архив Республики Татарстан (далее НАРТ). Ф. 977. Инспектор студентов. Д. 260. Л. 4).

9. Новгородское студенчество. Новгород. 1912. № 4. С. 4.

10. Молодая жизнь. СПб., 1912. — № 1. — С. 33.

11. Труды совещания об экономических нуждах студенчества в г. Петербурге 23–31 марта 1908 г. — СПб, 1909. — С. 9-10.

12. Там же. — С. 13.

13. Вестник жизни слушателей и слушательниц С.-Петербургских сельскохозяйственных курсов. — СПб. 1912. — № 2. — С. 14.

14. НАРТ. Ф. 977. Д. 260. Л. 4.

15. Новгородское студенчество. — Новгород. 1911. — № 1. — С. 3.

16. Там же. 1911. № 2. — С. 6. В опубликованном в 1911 г. уставе Новгородского землячества предусматривался несколько иной состав секций: 1) курсисток; 2) студентов университета, Психоневрологического и Горного институтов; 3) студентов Политехнического и Лесного институтов; 4) студентов медицинских факультетов; 5) студентов инженерно-промышленных институтов. (Там же. — С. 15).

17. Среди таковых могли быть студенты и студентки Консерватории, Высшего художественного училища Академии художеств, Женского политехнического института и пр.

18. Новгородское студенчество. Новгород. — 1912. — № 3. — С. 2.

19. Это не единичный случай. Например, в Нарвском землячестве в Петербурге наряду с земляками — студентами Политехнического, Технологического, Лесного институтов, Консерватории, Бестужевских курсов, Академии художеств, состояли и учащиеся средних учебных заведений — Художественного училища барона Штиглица, учительской семинарии, одного из реальных училищ. (Вестник студенческой кооперации. — М. 1916. — № 3. — С. 16).

20. Новгородское студенчество. Новгород. 1912. — № 3. С. — 19. Библиотеки некоторых землячеств выдавали книги и “посторонним” читателям, но за плату.



21. Голос политехника. — СПб. 1909. — № 3. — С. 24.
22. Там же. 1910. — С. 24.
23. Сибирский студент. — Томск. 1914. — № 2. — С. 54.
24. Молодая жизнь. — М. 1912. — № 2. — С. 54.
25. Сибирский студент. — Томск. 1914. — № 3-4. — С. 99.
26. Студенческие годы. — СПб., 1915. — № 9. — С. 97; Новгородское студенчество. Новгород. 1912. — № 4. — С. 4; Молодая жизнь. — М. 1912. — № 2. — С. 60.
27. Труды Совещания... — С. 15.
28. Вестник студенческой кооперации. — М. 1912. — № 3. — С. 8.
29. Новгородское студенчество. — Новгород. 1912. — № 3. — С. 6.
30. Там же. — 1911. — № 2. — С. 6.
31. Там же. — 1912. — № 3. — С. 10. Некоторые неточности в суммах соответствуют тексту документа в источнике (прим. авт.).
32. Труды Совещания... — С. 10-11.
33. Там же. — Л. 141.
34. Бунге Н.Х. О материальном положении студентов и о средствах для улучшения их быта. — Киев. 1872. — С. 22.
35. Труды Совещания... — С. 13.
36. Озеров И.Х. Обеспечение учащихся путем страхования. — М., 1909. — С. 3.
37. Там же. — С. 4.
38. Труды совещания... — С. 13.
39. Голос политехника. — СПб., 1909. — № 1. — С. 24.
40. Сибирский студент. — Томск. 1914. — № 3-4. — С. 90.
41. Там же. — С. 66.
42. Молодая жизнь. — М., 1912. — № 2. — С. 63.
43. Там же. — С. 34.
44. Сибирский студент. — Томск. 1914. — № 3-4. — С. 92.